

Оригинальная статья / Original article

УДК 39(571.54)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-79-87>

О названиях бурят, которыми они себя никогда не называли

© Б.Р. Зориктуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье впервые поднята никогда не изучавшаяся ранее проблема экзоэтнонимов у бурят. Эти имена были даны им соседними народами, но самими бурятами они никогда не использовались. Экзоэтноним *даур* был дан бурятам в XVII в. эвенками, *баргу-бурат* – в это же время степными племенами Монголии. С первым именем связано появление в Восточном Забайкалье и на юге современной Бурятии двух топонимических названий *Даурия* и *Селенгинская Даурия*. Исконной родиной подлинных дауров был южный берег Амура, восточнее Большого Хинганского хребта. Сложный экзоэтноним *баргу-бурат* был образован путем объединения этнического прозвища *баргут* и этнонима *бурат* (архетип самоназвания *бурят*, его семантика – «лесные»). Монголы степи с XIII в. прозывали лесные племена в районе Байкала (Баргуджин-Токум) *баргутами*, вкладывая в это слово отчетливо заниженный в оценочном плане смысл. Имя *бурат* с середины XVI в. было общим названием племенного объединения на Ангаре и Лене, на основе которого на рубеже XVII–XVIII вв. началось сложение бурятской народности. Оба экзоэтнонима прекратили свое существование после 80-х гг. XVIII в. в связи с выходом из употребления топонима *Баргуджин-Токум*.

Ключевые слова: экзоэтнонимы *даур* и *баргу-бурат*, эвенки, степные монголы, бурятская народность, Витим, Селенга, Байкал, Баргуджин-Токум

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4).

Информация о статье: Дата поступления 31 октября 2019 г.; дата принятия к печати 2 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Зориктуев Б.Р. О названиях бурят, которыми они себя никогда не называли // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 79–87. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-79-87>

On Buryat names which they never called themselves by

© Bulat R. Zoriktuev

The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The problem of exoethnonyms of the Buryats have never studied before and first raised in the article. Neighboring peoples gave these names to them, which have never been used by the Buryats themselves. The exoethnonym *Daur* was given to the Buryats in the 17th century, *Evenki*, *Bargu-Burat* – at the same time by the steppe tribes of Mongolia. The first name is associated with the appearance in East Transbaikalia and in the south of modern Buryatia of two toponymic names: *Dauria* and *Selenginskaya Dauria*. The southern coast of the Amur River, east of the Greater Khingan Range, was the original homeland of authentic Daurians. The composite exo-ethnonym *bargu-burat* was compiled by combining the ethnic nickname of *bargut* and the ethnonym *burat* (the archetype of Buryat's self-name, its semantics are “forest”). Mongols of the steppe from the 13th century named the forest tribes in the Baikal region (Bargujin-Tokum) the Barguts, putting in this word a clearly underestimated evaluative meaning. The name *burat* from the middle of the 16th century was the common name of the tribal association on the Angara and Lena Rivers, on which basis at the turn of the 17th and 18th centuries began the formation of the Buryat nation-

ality. Both exoethnonyms had disappeared after the 80s of the 18th century due to the disappearance of the toponym *Bargujin-Tokum*.

Keywords: exoethnonyms of *Daur* and *Bargu-Burat*, the Evenki, steppe Mongols, the Buryat people, Vitim River, Selenga River, Baikal Lake, Bargujin-Tokum

Acknowledgements: This work was carried out as part of a state assignment (project XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, No. AAAA-A17-117021310264-4).

Article info: Received October 31, 2019; accepted for publication December 2, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Zoriktuev B.R. (2019) On Buryat names which they never called themselves by. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 79–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-79-87>

Как известно, к числу главных этнических признаков этноса относится этноним (самоназвание). Он является внешним выражением этнического самосознания, благодаря чему люди осознают свою принадлежность к определенной этнической общности. Каждый этноним тесно связан с историей обозначаемого им этноса, в связи с чем он представляет собой важнейший и незаменимый источник для раскрытия его этногенеза и этнической истории. В прошлом наряду с этнонимами существовали экзоэтнонимы, дававшиеся этносам другими народами. Будучи данными со стороны, они с их самоназваниями, как правило, не совпадали, а потому отторгались. По этой причине экзоэтнонимы по отношению к аборигенным этносам использовались лишь теми народами, которые эти названия давали (Свод этнографических понятий и терминов, 1995. С. 151)¹. Важно подчеркнуть, что экзоэтноним, часто повторяя название другой этнической группы, может ввести исследователя в заблуждение, уведя его в поисках далеко в сторону от истинного направления. Чтобы такое не случилось, автору путем квалифицированного анализа необходимо отделять экзоэтноним от этнонима. Поэтому изучение экзоэтнонимов чрезвычайно актуально для специалистов, занимающихся вопросами этногенеза и этнической истории народов, сравнительно-сопоставительной лингвистики, фольклора и другими подобными проблемами.

В Сибири был ряд больших и некрупных по численности этносов, приобретших известность не только по этнонимам, но и по экзоэтнонимам. К ним относились алтайцы, имевшие полученное со стороны имя *калмаки*, тувинцы – сойоны, тофалары – карагасы, эвенки – *хамниганы*, ханты – *остяки*, манси – *вогулы* и др. Наречение экзоэтнонимами происходило, как мне представляется, в период становления этносов, когда вследствие отсутствия четкой информации возникала потребность отличать их друг от друга по данным со стороны именам и за счет этого определять каждому его место на этнической карте того или иного региона. Поэтому, к примеру, появление большей части экзоэтнонимов на юге Сибири и в соседней Монголии относится, на мой взгляд, к периоду не раньше XVI в., когда шло сложение этнических основ живущих в данном регионе народов и у них еще окончательно не закрепились функционирующие сейчас самоназвания. Распространено мнение, что не все этносы имели экзоэтнонимы. В частности, подобная точка зрения бытует в отношении бурят. Однако в настоящее время, когда с историей этнонима *бурят* сложилась достаточно ясная картина, осуществлена его подробная этимологизация, выяснилось, что это далеко не так. У бурят был не один, а два экзоэтнонима: *даур* и *баргу-бурат*, данных им со стороны на начальном этапе сложения бурятской народности.

В 1641 г. поднимавшиеся по Витиму русские казаки во главе с Максимкой Перфильевым узнали от тунгусов, что «живет, де, государь, вверх по Витиму реке даурский князец именем Ботога с това-

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этно-социальные категории / отв. ред. д-р истор. наук, проф. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. 163 с.

рищами, а ходу, де государь, до того князя Ботоги от усть Котомары реки водяным путем по Витиму реке месяц, а живет де он, Ботога, на Витиме реке на усть Карги реки, на одном месте улусами, а юрты де, государь, у того князца Ботоги рубленные, и скота де, государь, у того князца Ботоги всякого и соболя много, и серебро де у него Ботоги есть, а то, де, государь, он серебро Ботога и камни покупает на Шилке реке у князя Ловкоя; а от Ботоги, де, государь, вверх по Витиму реке и до Яравни озера по обе стороны Витима реки, даурские конные многие люди, а бой де у них лучной, а язык, де государь, у них свой, с якутским и тунгусским языком не сходится» (Сборник документов по истории Бурятии, 1960. С. 38)².

Приведенное сообщение тунгусов послужило Г.Н. Румянцеву основанием для создания гипотезы, что в начале XVII в. монголоязычные дауры занимали все Забайкалье вплоть до Амура. Они жили на р. Карге, притоке Витима, в районе Еравнинских озер, вблизи Нерчинска по рекам Ингода, Шилка, Онон и далее по притоку Амура р. Ур. Дауры в 40-х гг. XVII в. были первым достаточно крупным народом, с которым встретились передовые отряды русских казаков (Румянцев, 1962. С. 205, 214–215).

Д.Д. Нимаев также считал, что дауры в начале XVII в. жили в Забайкалье. Но они занимали более узкую территорию по долине Витима и вблизи Еравнинских озер. В качестве аргумента в пользу своего мнения автор привел взятый из труда Б.И. Панкратова отрывок старинной, как он пишет, даурской песни, в которой упоминается оз. Байкал, вблизи которого якобы жили предки дауров (Нимаев, 2000. С. 137; Нимаев, 2010. С. 123).

Должен заметить, что в свое время в беседе со мной о древней прародине монголов и дауров известный китайский ученый-исследователь летописного памятника «Тайная история монголов» Ардаажав, даур по национальности, поделился информацией, что в даурском фольклоре распространен мотив обитания далеких предков дауров

на берегу одного большого безымянного озера. Прожив там много времени, они выбрались оттуда и стали существующим ныне даурским этносом. Где находилось это озеро никто не знает, поэтому местонахождение его не выяснено (Полевые материалы автора. Сообщил Ардаажав, даур, 1936 г. р. Запись 2000 г., г. Хайлар).

По всей видимости, это предание дауров, данные о котором мне любезно предоставил Ардаажав, в форме песни оказалось в работе Б.И. Панкратова, а из нее – попало в распоряжение Д.Д. Нимаева. В таком случае надо признать, что в данной песне гидроним Байкал несомненно является позднейшим в нее включением. По этой причине, что вполне понятно, текст этой песни как источник для реконструкции давно минувших эпох даурской истории особой научной ценности не представляет.

В.А. Михайлов пишет, что источник XVII в. «Чертеж земли Иркутского города» сообщает, что «в истоках Лены живут даурские люди», «даурские люди конные, а язык у них брацкий». Опираясь на эти данные, он предположил, что на западном побережье Байкала, на верхней Лене, жили дауры (Михайлов, 2005. С. 178).

Лингвист Л.Б. Бадмаева утверждает, что в топонимии и антропонимии Забайкалья и Прибайкалья можно обнаружить субстратные явления даурского языка. Например, железнодорожная станция *Даурия*, ареал *Даурия* < этноним *даур*; *Геннадий Дагуров* < геноним *даур*; *Роман Мэрдыгеев* < геноним *мэрд* (в род. пад.). Эти лексические параллели в языке бурят и дауров свидетельствуют, с одной стороны, о наличии в них общих черт, образовавшихся в результате древних контактов их носителей, с другой стороны, – об общности формирования этих языков в районе Байкала (Бадмаева, 2009. С. 32, 33).

На мой взгляд, названным выше авторам при выполнении своей работы стоило заинтересоваться, если буряты и такой крупный этнос, как дауры, жили по соседству вблизи Байкала, то почему о последних нет никаких сведений в бурятском фольклоре, ведь речь идет о не таком уж далеком времени, XVII в. Думается, последовавшие после

² Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г.Н. Румянцев и С.Б. Окунь. Улан-Удэ: Тип. Министерства культуры Бурятской АССР, 1960. 493 с.

постановки этого вопроса поиски непременно привели бы авторов к пониманию того, что в XVII в. никаких дауров около Байкала не было, а под упоминающимися в русских архивных источниках даурскими людьми имеются в виду буряты.

Эта, имевшая место, историческая реальность была установлена участником Первой Академической экспедиции по Сибири Я.И. Линденау, который, работая среди аборигенного населения, подробно интересовался, как именуют друг друга те или иные народы. В 1745 г. он записал, что Братские называются *Burat*. Тогда же им была сделана другая запись, что тунгусы, которые живут на Лене, Братских именуют *Dagur* (так у Я.И. Линденау написано слово *даур*. – Б.З.) (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. № 511. Ч. 1. Д. 6. Л. 1–2 об., 16). В последнем сообщении слово *даур* – экзоэтноним, данный тунгусами бурятам. Поэтому дауры на Витиме, о которых тунгусы сообщили Перфильеву, были бурятами, а отнюдь не даурами, как утверждал Г.Н. Румянцев. Эти буряты занимались не земледелием, а скотоводством. Деревянные постройки, которые видели казаки, были не даурскими жилищами, как полагал бурятский ученый, а многостеными бурятскими деревянными юртами (Румянцев, 1962. С. 215). Можно предположить, что на Витиме были те группы бурятского населения, которые со всем домашним скарбом и скотом бежали от казачьих погромов на Ангаре и Лене, сообщениями о которых изобилуют архивные документы первых десятилетий XVII в. Достигнув Витима и возведя там многоугольные деревянные юрты, беженцы устроили свой быт в соответствии с тем привычным укладом, который был у них на местах прежнего обитания в Предбайкалье.

Долгое проживание бурят на Витиме, освоение ими новых земель в районе Еравнинских озер привели к тому, что по их экзоэтнониму *даур* в Восточном Забайкалье закрепился хорошо сохранившийся до наших дней топоним *Даурия*. Подобным же образом объясняется появление совершенно неожиданного для Южного Забайкалья топонима *Селенгинская Даурия*. Автор исходит из того, что имеющийся там топоним *Даурия* является свиде-

тельством того, что забайкальские тунгусы, подобно ленским да и вообще всем тунгусоязычным группам Восточной Сибири, бурят также называли *даурами*. Бесспорные и убедительные данные на этот счет приведены В.В.Птицыным. Он пишет, что «край, чьим именем озаглавлена эта книга (Забайкальский край. – Б.З.) ... называется Даурией; по имени коренных ее обитателей, бурят, называемых и поныне Даурами от своих соседей, тунгусов и ороchon (название оленных эвенков в Забайкалье. – Б.З.). От русских она получила официальное название Забайкалья или Забайкальской области» (Птицын, 1896. С. 1).

Приход в конце 20-х гг. XVII в. русских казачьих отрядов на левобережье Ангары, продвижение их на Верхнюю Лену, сопровождавшееся систематическим погромом и разорением бурятских улусов, вынуждали большие группы коренного населения покидать насиженные места. Они бежали не только на восток, к Витиму, но и за Байкал «в мунгалы»: вверх по Селенге под защиту монголов. Этим беженцев, которых особенно много скопилось по р. Чикой, забайкальские тунгусы тоже называли *даурами*, а ареал их обитания – *Даурией*. Она занимала территорию на юге современной Бурятии по обе стороны Селенги, занятой родами монгольского происхождения. Именно среди них западно-бурятские беженцы находили пристанище в XVII в. Позже топониму *Даурия* во избежание путаницы с похожим термином в Восточном Забайкалье, была придана форма *Селенгинская Даурия*.

Я.И. Линденау, сообразуясь с уровнем знаний об амурских народах его времени, дауров называл тунгусами. Он писал, что тунгусы, которые живут от Нерчинска и далее к востоку по Амуру, тоже называются *Dagur* (РГАДА. Ф. 199. № 511. Ч. 1. Д. 6. Л. 20–21 об.). К настоящему времени твердо установлено, что дауры и их предки относятся к числу монголоязычных народов на Амуре. В середине XVII в., ко времени первых встреч с русскими, они обитали в верхнем течении этой реки. Западнее их, от слияния Шилки и Аргуня вверх по Шилке жили нерчинские тунгусы-нелюды (лелюли). Рубежом между двумя этносами был район устьев рек Амазара и Урки на Верхнем Амуре (Долгих, 1960).

С. 581). Однако нижнее течение Шилки, по всей видимости, контролировалось даурами. Это позволяло их князю Ловкою регулярно наведываться туда для продажи серебра и драгоценных камней жившим на Витиме бурятам, как сказывали казаку Перфильеву тунгусы.

Исконная родина «настоящих» дауров, по китайским источникам, находилась на северо-востоке Китая в долине р. Нонни (Нуныцзян), с VI в. входившей в ареал расселения шивэйских племен. В эпохи Суй и Тан в составе южных шивэйцев, живших восточнее Большого Хинганского хребта, упоминается имевшая киданьское происхождение общность дагоу-шивэй, которую, на мой взгляд, можно считать прямыми предками современных дауров. По данным «Бэй ши», при Тан киданьский род дахэ завоевал земли южных шивэйцев. Итогом этой, успешно проведенной кампании, явилось то, что территория дахэ расширилась на 2000 с лишним ли. С этого времени влияние киданей на Северную Маньчжурию было настолько велико, что в ряде источников (Суй шу, Цзю Тан шу, Синь Тан шу) южные шивэйцы называются не только своим именем *шивэй*, но и *киданиями* (Дауры, 1965. С. 667; Е Лун-ли, 1979. С. 493). На мой взгляд, вполне возможно, что со временем кидани-дахэсцы и консолидировавшиеся вокруг них шивэйские этногруппы составили единое этническое образование, которое стало основой будущей даурской народности.

Что касается экзоэтнонима *баргу-бурят*, то он имеет долгую и непростую предысторию. В XIII в. степные монголы группу племен, преимущественно населявшую западную сторону Байкала, называли *баргут*. Рашид-ад-дин этот феномен раскрыл так: «Племена баргут, кори и тулас; племя тумат также ответвилось от них. Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища (находятся) на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 121).

В процитированном тексте источника важно уяснить, что слово *баргут* использовано не как этноним (как самоназвание оно сопряжено с оби-

тавшим в Забайкалье племенным этносом баргут. – Б.З.), а как этническое прозвище некоторой части (главным образом, предбайкальского населения), данное ей по названию той территории, какую она занимала – *Баргуджин-Токум*, кратко – *Барга*. Семантика его прозрачна: «жители Баргуджин-Токума или Барги». В дальнейшем произошло расширение функции прозвища. Оно стало обозначением не узкой группы племен, а всего аборигенного населения у Байкала.

Буквальное значение топонима *Баргуджин-Токум* – «Баргузинская низина». Так называется местность по р. Баргузин на восточном берегу Байкала, где ориентировочно до середины XVI в. обитало крупное племя баргут. К XIII в. *Баргуджин-Токумом* стала именоваться территория по обе стороны озера, которую освоили лесные монголы. Баргузинская долина, находясь посередине этого обширного региона, стала его историческим центром (Подробно об этом: Зориктуев, 1993). Увеличение площади и численности населения, разность его этнического состава и др. факторы не могли не наложить свой отпечаток на содержание сложившегося понятия *Баргуджин-Токум*. Монголы степи, игравшие доминирующую роль в монгольском мире, за счет наполнения его этническим смыслом с явно тенденциозной направленностью, придали ему значительно занижающий достоинство местного населения оттенок. Они в соответствии с естественным противопоставлением своей группы другим («мы» – «они»), лежавшим в основе этнической идентификации, Баргуджин-Токум стали понимать как глухой, холодный по климату, малокультурный уголок на далекой окраине их державы. Жившие там племена, по их мнению, не имели палаток и шатров, быков и баранов и никогда не выходили из своих лесов. Они не причислялись прежде к монголам, а стали именоваться таковыми лишь недавно (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 92, 123, 124). Эти характеристики (географические условия, уровень культуры населения, отношение к жизни, этногенез), при помощи которых степными монголами был сконструирован образ Баргуджин-Токума, в сжатом виде составили содержание прозвища *баргут*. Оно в оценочном плане мало отли-

чалось от негативно окрашенной семантики этнонима *баргут* – «грубый, некультурный, отсталый» (Монгольско-русско-французский словарь, 1846. С. 1108³; Буряад-ород словарь, 1957. С. 63⁴). Это имя также было получено в свое время его носителями (жившим в долине Баргузина племенем баргут) от степняков юга.

Соседи со стороны монгольских степей прозвище *баргут* прилагали и к отдельным этническим группам Баргуджин-Токума. Оно чаще всего использовалось по отношению к хоринцам, которые, находясь в даннической зависимости от монгольского Цэцэн-хана (Залкинд, 1958. С. 17) и выставляя для него вспомогательное войско, подолгу находились в Восточной Халхе. Во второй половине XVII в. до 40 % хоринцев обычно пребывало в этой части Монголии (всех хоринцев в то время – около 5800 чел. Рассчитано по: Долгих, 1960. С. 331, 334). К 1670 г. хоринцы после зачисления в знаменное войско и получения от маньчжуров за военные заслуги наименования *новые* назывались *новыми баргутами* (Путешествие через Сибирь..., 1882. С. 157). Поэтому вполне закономерно, что данное монголами баргуджин-токумовцам прозвище *баргут* наиболее прочно прикрепило именно к хоринскому племени.

В XVII в. баргутами стали называть хоринцев маньчжуры. Это видно из документа Лифаньюаня от 1646 г., в котором упоминается битва между вторгшимися в Халху маньчжурами и объединенным войском Тушету-хана и Цэцэн-хана. В сражении, состоявшемся в Центральной Халхе западнее р. Толы, в составе войска последнего были хоринцы, названные в маньчжурском документе *баргутами* (Buyandelger, 2002. Т. 30).

Традиция давать северным соседям прозвище *баргут* имела у монголов характер долговременной тенденции и не утратила своего значения много позже. Предположительно в середине XVI в. на западной стороне Байкала в верховьях Ангары и

Лены беспрецедентные по глубине, силе и размаху консолидационные процессы привели к сложению племенного объединения, вначале называвшегося *бурат*, а на рубеже XVII–XVIII вв. – *бурэт* (buræ:d). На базе этого союза с дальнейшим перекидыванием объединительных тенденций в Забайкалье и возникновением там имени *бурят* (значение всех трех форм – «лесные») в конце XVIII в. образовалась бурятская народность (Зориктуев, 2011. С. 70–79). Оставаясь верными своему обычаю, степняки-монголы племени, вошедшие в состав объединения бурат, также нарекли прозвищем *баргут*, автоматически перенеся на них все характеристики, дававшихся ими населению Баргуджин-Токума. Возник сложный экзоэтноним *баргут-бурат*, который в слегка усеченной форме *баргу-бурат* встречается в ойратских памятниках XVIII – начала XIX в. (Баатар увш туурвисан, 2006. С. 34, 65). Во всех других источниках, которых к настоящему времени выявлено большое количество, в качестве архетипа общеизвестного ныне имени *бурят* фигурирует одно слово *бурат*, что говорит о том, что изначально двойного названия *баргут-бурат* никогда не существовало. Следовательно, в ойратских источниках в термине *баргу-бурат* слово *баргу* (*баргут*) однозначно использовано как дополнительно введенное прозвище, а не как этническое наименование.

То, что в экзоэтнониме *баргу-бурат* слово *баргу* употреблено в значении прозвища, сомнений ни у кого и никогда не вызывало. К примеру, именно так трактовал его известный монголовед А.М. Позднеев. Касаясь названия *баргу-бурат*, он заметил, что буряты (так им написано слово *бураты*) подразделяются на две части: забайкальских и северных, т. е. западных. Последние заметно разнятся от тех, которые живут за Байкалом, верованием, образом жизни, обычаями и особенно языком, отличающимся от наречий всех монголов «доходящей до крайних размеров грубостью». «Утверждают, – подчеркивал А.М. Позднеев, – что это наречие и было поводом, почему северобайкальские Буряты получили от своих соплеменников прозвание Баргу-Бурятов, т. е. грубых, неотесанных Бурятов» (Позднеев, 1880. С. 180).

³ Монгольско-русско-французский словарь, составленный профессором О. Ковалевским. Казань: Университетская типография, 1846. Т. 2. 595–1545 с.

⁴ Буряад-ород словарь. К.М. Черемисов зохёобо. М.: «Советская энциклопедия» хэблэл, 1973. 804 х.

С высоты сегодняшнего дня не все замечания А.М. Позднеева об образе жизни, культуре и языке северных (западных) бурят можно принять, но его главный вывод, что в экзоэтнониме *баргу-бурят* компонент *баргу* является прозвищем, безусловно, верен, потому что он соответствует содержанию приводившегося сообщения Рашид-ад-дина, почему степные монголы население Баргуджин-Токума называют *баргут*.

Выход из обращения у тунгусов и степных монголов экзоэтнонимов *даур* и *баргу-бурат* был обусловлен общим ростом их культуры и лучшим узнаванием живших западнее Байкала буратов. Можно полагать, что с названием *даур* дело так и обстояло. Что касается экзоэтнонима *баргу-бурат*, то на его исчезновение большое влияние оказали также развивавшиеся в регионе этнические процессы. Тут надо сделать существенную оговорку. Под исчезновением из лексикона монголов экзоэтнонима *баргу-бурат* имеется в виду выход у них из активного пользования первой части данного термина – слова *баргут* как давнего с пренебрежительным оттенком прозвища их северных соседей. Начало этого процесса скорее всего относится к рубежу XVII–XVIII вв. В это время на западной стороне Байкала имя *бурат* сменилось этнонимом *бурэт*, что сильно ослабило позиции прозвания *баргут*. Окончательно это прозвище вышло из массового употребления монголами вместе с канувшим в Лету топонимом Баргуджин-Токум. Это произошло после 80-х гг. XVIII в., когда в основе нового названия региона *Буряад* или *Буряад орон* (т. е. Бурятия) закрепилось наименование образовавшейся бурятской народности.

Что касается слова *бурат*, то оно, как отмечено выше, было названием племенного союза западнее Байкала, ориентировочно сформировавшегося в середине XVI в. вне всякой связи с прозвищем *баргут*. Это доказывается тем, что имя *бурат* как обозначение живущего на берегах Байкала современного бурятского населения сохранилось и используется до настоящего времени за пределами Бурятии в отдельных аймаках Халхи, монголами Внутренней Монголии, ойратами Куку-нора и

Синьцзяня, казахами, кыргызами и некоторыми другими народами.

Подводя итоги отмечу, что буряты, вопреки распространенному в научной литературе мнению, в прошлом имели два данных им другими народами экзоэтнонима – *даур* и *баргу-бурат*. Имя *даур* было дано бурятам в XVII в. тунгусами. Этим же именем ими были названы места обитания двух локальных групп бурят, живших на некотором удалении от Предбайкалья, где в середине XVI в. возникло племенное объединение *бурат*, на основе которого к концу XVIII в. сложилась бурятская народность (*бурат* – архетип имени *бурят*, его знач. – «лесные»). В результате по экзоэтнониму *даур* на востоке Забайкалья появился топоним *Даурия*, в Южном Забайкалье, по обе стороны от Селенги – *Селенгинская Даурия*. Они до сих вводят в заблуждение часть исследователей, считающих, что район Байкала является первоначальной родиной живущей сейчас на северо-востоке Китая даурской народности. Исконной родиной «настоящих» дауров был южный берег Амура восточнее Большого Хинганского хребта. Сложный экзоэтноним *баргу-бурат* также был дан в XVII в. племенам западнее Байкала степными монголами. Он был образован путем прибавления к их общему имени *бурат* этнического прозвища *баргут*, которым степняки юга с XIII в. называли вначале племена преимущественно Предбайкалья, а затем все население по обе стороны озера по названию той территории, какую оно занимало – Баргуджин-Токум, или Барга. Само аборигенное население у Байкала, которому были даны экзоэтнонимы *даур* и *баргу-бурат*, называло себя соответственно своему самоназванию – *бурат*. Оно не называло себя *даур* и тем более *баргу-бурат*, поскольку в данном имени часть *баргу* имело отчетливо выраженное уничижительное содержание. Выход обоих экзоэтнонимов из употребления у тунгусов и монголов начался с конца XVIII в. по мере лучшего узнавания ими образовавшегося бурятского этноса и закрепления вместо прежнего топонима *Баргуджин-Токум* нового названия региона *Бурятия*.

Библиографический список

Бадмаева Л.Б. Сравнительно-историческое исследование монгольских языков и диалектов Внутренней Азии // Современные проблемы изучения монгольских языков. Научная сессия, посвященная 80-летию проф. И.Д. Буряева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 26–33.

Дауры (Дахуры) // Народы Восточной Азии / под ред. Н.Н. Чебоксарова, С.И. Брука, Р.Ф. Итса, Г.Г. Стратановича. Сер. Народы мира. Этнографические очерки / под общей ред. С.П. Толстова. М.; Л.: Наука, 1965. С. 666–671.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 621 с.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с китайского, введ., коммент. и прил. В.С. Таскина // Памятники письменности Востока. Т. XXXV. М., Наука, 1979. 608 с.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. 318 с.

Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 278 с.

Зориктуев Б.Р. К вопросу о местоположении Баргуджин-Токума // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 175–179.

Михайлов В.А. Традиционные занятия бурят: животноводство, земледелие (XVII – начало XX века). Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 276 с.

Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирской академии культуры и искусств, 2000. 190 с.

Нимаев Д.Д. Дауры и баргуты: проблемы этнической истории // Археология, этнография и антропология Евразии, 2010. № 2 (42). С. 122–127.

Позднеев А.М. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1880. Вып. 1. 346 с.

Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей / пер. с персидского А.А. Хетагурова; ред. и прим. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т.1. Кн. 1. 221 с.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят.

References

Badmaeva L.B. (2009) The comparative historical study of the Mongolian languages and dialects of Inner Asia. *Sovremennye problemy izucheniya mongol'skikh yazykov. Nauchnaya sessiya, posvyashennaya 80-letiyu professora I.D. Buraeva* = Modern problems of studying the Mongolian languages. Scientific session dedicated to the 80th anniversary of prof. I.D. Buraev. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. P. 26–33. (In Russ.)

Tolstov S.P. (1965) Dahury. *Narody Vostochnoi Azii. Ser. Narody mira. Etnograficheskie ocherki* = Peoples of East Asia. Ser. The peoples of the world. Ethnographic essays. Moscow – Leningrad: Nauka. P. 666–671. (In Russ.)

Dolgh B.O. (1960) Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 621 p. (In Russ.)

E Lun-li. (1979) The history of the Kitan state. *Pamyatniki pis'mennosti Vostoka* = Writing Sources of the East. Vol. XXXV. Moscow: Nauka. 608 p. (In Russ.)

Zalkind E.M. (1958) Joining of Buryatia to Russia. Ulan-Udje: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 318 p. (In Russ.)

Zoriktuev B.R. (2011) Actual problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats. Moscow: "Vostochnaya literatura" RAN. 278 p. (In Russ.)

Zoriktuev B.R. (1993) On the location of the Bargujin-Tokum. *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoi Sibiri i Central'noi Azii* = Ethnic history of the peoples of South Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Nauka. P. 175–179.

Mikhaylov V.A. (2005) Traditional activities of Buryats: livestock, agriculture (XVII – beginning of the XX century). Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 2005. 276 p. (In Russ.)

Nimaev D.D. (2000) Buryats: ethnogenesis and ethnic history. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture. 190 p. (In Russ.)

Nimaev D.D. (2010) Daur and Barguts: Problems of ethnic history. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. No. 2 (42). P. 122–127. (In Russ.)

Pozdneev A.M. (1880) Samples of folk literature of the Mongol tribes. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk. Iss. 1. 346 p. (In Russ.)

(1882) Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafariy in 1675. *Dorozhny dnevnik Spafariya s vvedeniem i primechaniyami Yu.V. Arsen'eva* = Travel Diary of Spafarii with introduction and notes by Yu.V. Arsenyev. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma. 214 p. (In Russ.)

Rashid-ad-din. (1952) Selection of annals. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. Book 1. 221 p. (In Russ.)

Rumjantsev G.N. (1962) The origin of the Khori Bury-

Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962. 264 с.

Птицын В.В. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края. В 2-х частях. СПб.: Экономическая Типо-Литография Б. Вульфова, 1896. 306 с.

Баатар увш туурвисан «Дөрвөн ойрадын түүх оршив» / Тайлбар бичсэн Б. Түвшинтөгс, Н. Сүхбаатар. Уланбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр, 2006. 165 т.

Buyandelger Jiyačidai. Qalq-a baryu-yin egüsül irel // Arkivs ba mongyul teüke sudulul. Qoyadugar emkidgel. Kökeqota: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 2002. 1–38 t.

Критерии авторства

Б.Р. Зориктуев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Зориктуев Булат Раднаевич,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: enhe_z@mail.ru

ats. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 264 p. (In Russ.)

Ptitsin V.V. (1896) Selenginsaya Dauria. Essays on the Trans-Baikal Territory. In 2 pt. St. Petersburg: Ekonomicheskaya Tipo-Litografiya B. Vul'fova. 306 p. (In Russ.)

Баатар увш туурвисан «Дөрвөн ойрадын түүх оршив» / Тайлбар бичсэн Б. Түвшинтөгс, Н. Сүхбаатар. Уланбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр, 2006. 165 т. (In Mong.)

Buyandelger Jiyačidai. Qalq-a baryu-yin egüsül irel // Arkivs ba mongyul teüke sudulul. Qoyadugar emkidgel. Kökeqota: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 2002. 1–38 t. (In Mong.)

Attribution criteria

B.R. Zoriktuev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Bulat R. Zoriktuev,
Dr. Sci. (History), Principal researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanovoi street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: enhe_z@mail.ru